

Татьяна Цивьян,

Семантический ореол «локуса»

Выбор места действия в художественном тексте

(Tat'jana Civ'jan, Semanticeskij oreol "lokusa". Vybor mesta dejstvija v chudožestvennom tekste)

aus:

Analysieren als Deuten

Wolf Schmid zum 60. Geburtstag

Herausgegeben von Lazar Fleishman, Christine Gölz und Aage A.

Hansen-Löve

S. 135-150

Impressum für die Gesamtausgabe

Bibliografische Information Der Deutschen Bibliothek

Die Deutsche Bibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.ddb.de> abrufbar.

Diese Publikation ist außerdem auf der Website des Verlags Hamburg University Press *open access* verfügbar unter <http://hup.rrz.uni-hamburg.de>.

Die Deutsche Bibliothek hat die Netzpublikation archiviert. Diese ist dauerhaft auf dem Archivserver Der Deutschen Bibliothek verfügbar unter <http://deposit.ddb.de>.

ISBN 3-9808985-6-3 (Printausgabe)

© 2004 Hamburg University Press, Hamburg

<http://hup.rrz.uni-hamburg.de>

Rechtsträger: Universität Hamburg

Inhalt

Vom nicht abgegebenen Schuss zum nicht erzählten Ereignis	11
Schmid'sche Äquivalenzen <i>Aage A. Hansen-Löve (München)</i>	
Kein Elfenbeinturm für Wolf Schmid	19
15 Jahre Alexander-Sergejewitsch-Puschkin-Preis <i>Ulrich-Christian Pallach (Alfred Toepfer Stiftung F.V.S., Hamburg)</i>	
Critique of Voice	31
The Open Score of Her Face <i>Mieke Bal (Amsterdam)</i>	
Towards a Cognitive Theory of Character	53
<i>Willem G. Weststeijn (Amsterdam)</i>	
Literarische Kommunikation und (Nicht-)Intentionalität	67
<i>Reinhard Ibler (Marburg)</i>	
«Теснота стихового ряда»	85
Семантика и синтаксис <i>Michail Gasparov (Moskau)</i>	
О принципах русского стиха	97
<i>Vjačeslav Vs. Ivanov (Moskau, Los Angeles)</i>	
Эстетика тождества и «железный занавес» первого Московского царства	111
<i>Marija Virolajnen (St. Petersburg)</i>	
Семантический ореол «локуса»	135
Выбор места действия в художественном тексте <i>Tat'jana Civ'jan (Moskau)</i>	

Из истории сонета в русской поэзии XVIII века	151
Сонетные эксперименты. Случай «двуединого» сонета <i>Vladimir Toporov (Moskau)</i>	
Фантазия versus мимезис	167
О дискурсе «ложной» образности в европейской литературной теории <i>Renate Lachmann (Konstanz)</i>	
„Korinnas Reiz macht mir das Herze wund“	187
Zum quasinarrativen Element in Franciszek Dionizy Kniaźnins „Erotica“ (1779) <i>Rolf Fieguth (Fribourg)</i>	
Zur Poetik von Schota Rustaweli	219
<i>Winfried Boeder (Oldenburg)</i>	
Литература по ту сторону жанров?	231
<i>Igor' Smirnov (Konstanz)</i>	
О поэтике первых переживаний	259
<i>Jost van Baak (Groningen)</i>	
Медленное чтение «Евгения Онегина» как курс введения в литературоведение	277
<i>Aleksandr Čudakov (Moskau)</i>	
Поэзия как проза	299
Нарратор в пушкинской «Полтаве» <i>Lazar Fleishman (Stanford, California)</i>	
Poetry and Prose	337
Pushkin's Review of Sainte-Beuve's "Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme" and the Tat'iana of Chapter Eight of "Evgenii Onegin" <i>David M. Bethea (Madison, Wisconsin)</i>	
«Не бось, не бось»	353
О народном шиболете в «Капитанской дочке» <i>Natalija Mazur (Moskau)</i>	

Der frühe russische Realismus und seine Avantgarde	365
Einige Thesen <i>Aage A. Hansen-Löve (München)</i>	
Где и когда?	407
Из комментариев к «Мертвым душам» <i>Jurij Mann (Moskau)</i>	
Сатирический дискурс Гоголя	417
<i>Valerij Tjupa (Moskau)</i>	
Macht und Ohnmacht des (Ich-)Erzählers	429
F. M. Dostoevskijs „Belye noči“ <i>Riccardo Nicolosi (Konstanz)</i>	
“Les jeux sont faits”	449
Money and Roulette as a Literary Communicative Device in “The Gambler” <i>Boris Christa (Queensland, Australia)</i>	
Сцена из «Фауста» в романе Достоевского «Подросток»	461
<i>Galina Potapova (St. Petersburg)</i>	
От «говорили» к «как-как-фонии»	483
Отчуждение языка в «Даме с собачкой» <i>Peter Alberg Jensen (Stockholm)</i>	
Die anthropologische Bedeutung und der poetische Aufbau Čechov’scher Erzählungen am Beispiel von „Nesčast’e“	499
<i>Matthias Freise (Salzburg, Göttingen)</i>	
Narration als Inquisition	513
Čechovs Kurzgeschichte „Novogodnjaja pytka. Očerk novejšej inkvizicii“ <i>Erika Greber (München)</i>	
Рождение стиха из духа прозы	541
«Комаровские кроки» Анны Ахматовой <i>Roman Timenčik (Jerusalem)</i>	

Кубовый цвет	563
Из комментария к словарю Набокова <i>Aleksandr Dolinin (Madison, Wisconsin)</i>	
Подводное золото	575
Ницшеанские мотивы в «Даре» Набокова <i>Savely Senderovich, Elena Shvarts (Ithaca, NY)</i>	
Zur Kohärenz modernistischer Texte	591
Schulz' „Nemrod (Sklepy cynamonowe)“ <i>Robert Hodel (Hamburg)</i>	
«Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Хождение по мукам» А. Н. Толстого	617
К вопросу о судьбах русского романа в двадцатом столетии <i>Vladislav Skobelev (Samara)</i>	
„Ja k vam pišu...“ – mediale Transformationen des Erzählens	631
Tat'janas Liebesbrief in Puškins Versroman „Evgenij Onegin“, Petr Čajkovskijs gleichnamiger Oper und Martha Fiennes' Verfilmung <i>Rainer Grübel (Oldenburg)</i>	
Пушкин как персонаж лирической поэзии «ленинградского андеграунда»	665
<i>Vladimir Markovič (St. Petersburg)</i>	
Das ABC der russischen Katastrophen	689
Tat'jana Tolstajas Roman „Kys“ <i>Christine Gölz (Hamburg)</i>	
Schriftenverzeichnis von Wolf Schmid	719
Autorinnen und Autoren	735

Семантический ореол «локуса»

Выбор места действия в художественном тексте

Татьяна Цивьян

«Для личностей многочеловеческих (народных и многонародных) [...] связь с физическим окружением (с природой территории) настолько сильна, что приходится [...] рассматривать это физическое окружение как продолжение данной многочеловеческой личности», — писал Н. С. Трубецкой в связи с проблемой самоидентификации.¹ Эта связь отсылает к теме *человек — пространство / место (локус)*, детально разработанной в разных аспектах и в разных научных дисциплинах, от биологии до философии. Здесь мы хотели бы рассмотреть только одну сторону темы — на материале художественной литературы и, прежде всего и в основном, *sub specie* семиотики.

Вряд ли можно найти текст (по крайней мере, сюжетный), в котором не было бы указано *место действия*.² Более того, существует традиция (или потребность) ,назвать‘ место, сначала установив его признаки (природные и культурные), а затем дав ему ,собственное имя‘ / ,имя собственное‘, реальное, вымышленное или зашифрованное: действие происходит *на севере, на море, в лесу* и т. п.; *в городе* → *в городе Петербурге / в городе Глупове / в городе N*.³

¹ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927. С. 3—7.

² Другую необходимую составляющую, *время*, мы в данном случае оставляем в стороне.

³ О *городах N* в русской литературе см. теперь целый ряд исследований, из недавних — работы А. Ф. Белоусова в связи с романом Добычина *Город Эн*. См. например: Белоусов А. Ф. Жизненная основа и литературный контекст романа Л. Добы-

То, насколько важна для автора (писателя, рассказчика) привязка к месту / топониму, подмечено и обыграно в одном мемуарном тексте — Ю. К. Щеглов пересказывает А. К. Жолковскому услышанные им в ростовском Доме крестьянина (в 1960 г.) разговоры шоферов:

— Ах, Алик, они говорили только об одном. Из их разговоров я понял, что советские люди ни о чем другом вообще не думают. Особенно внимательно они слушали некоего Василия Васильевича; видимо, он у них пользуется большим авторитетом в этом вопросе. Они все просили его: „Василь Васильич, ты расскажи, как ты в Сумах-то, как ты в Сумах-то?“

— Ну, и он рассказал?

— Рассказал.

— Что же он рассказал?

— Он рассказал довольно обычную историю, которая могла произойти и не в Сумах, в которой, в сущности, ничего такого специфически сумского не было.⁴

Ничего в «истории» *специфически сумского* не было, но и для слушателей, и для рассказчика (как, кстати, и для ироничных пересказчиков) эпизод потерял бы многое, причем не столько в достоверности, сколько в художественной и (более прикровенно) семиотической ценности. *Локус* «переигрывает» сюжет,⁵ из пространственного фона становится своего рода персонажем, имеющим имя = топоним, — ситуация, кото-

чина *Город Эн* // «Вторая проза». Русская проза 20-х—30-х годов XX века. *Labirinti* 18. Trento, 1995. С. 45–50; *его же*. Литературная судьба Динабурга – Двинска – Даугавпилса // Славянские чтения I. Даугавпилс, 2000. С. 209–216; *его же*. Динабург – Двинск – Даугавпилс в русской литературе // Художественный текст и его гео-культурные стратификации. Trieste, 2000. С. 263–271 и др. (*Slavica Tergestina*. Vol. VIII).

⁴ *Жолковский А. К.* Из мемуарных заметок (продолжение) // *Неприкосновенный запас*. 1999. № 2, 4. С. 87.

⁵ Не будем повторять здесь известные идеи Проппа о том, что фольклорный сюжет может быть восстановлен по передвижению героя и по перечислению мест, в которые он попадает, но приведем в связи с этим наблюдение Якобсона, что «как правило, в заглавиях оригинальных произведений Пушкина [...] указывается либо главное действующее лицо, либо место действия» (*Якобсон Р.* Работы по поэтике. Москва, 1987. С. 147): в этом можно видеть особую маркированность *локуса*, «приравнивание» его к персонажу, т. е. указание на его сюжетообразующую роль.

рая представляется едва ли не универсальной. Далекое не просто определить, что первично, что вторично, что к чему привязано, т. е. по каким принципам происходит «размещение сюжета» в конкретной точке. Заранее скажем, что в исторических, географических, мемуарных и подобных описаниях, по самому жанру претендующих на объективную точность в обозначении пространства, недостоверность как бы заложена изначально. Обычно она списывается на недостаток сведений, на утери памяти, однако далеко не всегда эти объяснения являются сильными: вариации и лакуны могут быть преднамеренными, и все это приводит к выводу, что *локус / топоним* ведет себя более самостоятельно, чем это ему предписано общими представлениями.⁶

Введение понятия *пространственных текстов*, начавшееся с *петербургского текста русской литературы* и теперь широко тиражируемое (*московский, провинциальный, итальянский* и другие ****ские* тексты), является, по сути дела, признанием определяющей роли *локуса* в конструировании текста и даже в классификации сюжетов, привязанных к определенному *локусу*, так сказать, *специфически сумских*. Можно предположить, что столь популярный сейчас (в России) жанр экскурсий по маршрутам, проложенным литературными произведениями (ср. *Петербург Достоевского*⁶, прежде всего по *Преступлению и наказанию*, *Москва Булгакова*⁶, прежде всего по *Мастеру и Маргарите*, и др.), т. е. попытка установить *место действия*, реальное или условное (в последнем случае читатель становится своего рода соавтором), свидетельствует о том, насколько сильно в сознании читателя и / или исследователя *место* определяет развитие сюжета и его *смыслы*. Однако сам механизм выбора места / топонима в каждом конкретном случае или в корпусе произведений одного автора (от чего потом можно перейти к более крупным классификационным единицам — к тем же *пространственным текстам*) во многом остается нераскрытым. Точнее, все кажется понятным и даже лежащим на по-

⁶ В несколько ином аспекте, с отсылкой к статье П. Сувчинского «Местодействие в русской литературе» (1929) см. статью: Frank S. K. Dostoevskij, Jadrincev und Čechov als ‚Geokulturologen‘ Sibiriens // Gedächtnis und Phantasma. Festschrift für Renate Lachmann. München, 2001. S. 32—47.

верхности, — но до определенного уровня, перейдя который мы оказываемся перед вечными вопросами, заданными в свое время Ж. Дюмезилем: *Почему? Как?*⁷

В этой статье предполагается рассмотреть набор *локусов / топонимов* в сравнительно небольшом прозаическом корпусе произведений одного автора. Выбор определен одним из направлений научных интересов юбиляра: это художественная проза Пушкина.⁸ Рассматриваются: *Арап Петра Великого, АПВ; Роман в письмах, РвП; Повести Белкина, ПБ (Выстрел, В; Метель, М; Гробовщик, Г; Станционный смотритель, СС; Барышня-крестьянка, БК); История села Горюхина, ИСГ; Рославлев, Р; Дубровский, Д; Пиковая дама, ПД; Кирджали, К; Египетские ночи, ЕН; Капитанская дочка, КД*. За пределами анализа остаются отрывки, наброски и планы ненаписанных произведений, а также путешествия и то, что определяется как «историческая проза» (прежде всего, *История Пугачева*). Последние не рассматриваются потому, что там *локус* изначально определен «жанром», а нас на этом этапе интересуют случаи, когда *локус* определен «сюжетом».⁹

Еще одно ограничение, введенное нами, состоит в следующем: здесь представлен анализ *культурных*, а не *природных локусов*, т. е. рассматриваются только единицы политико-административного деления (*страна, губерния, город* и т. д.) и соответствующие им топонимы, — но не «пейзажи».¹⁰ Мы начинаем анализ с «топографического» списка по каждому из текстов. Список не соотносится ни с героями, ни с

⁷ Подводя итог сравнительному анализу разных архаических традиций, Дюмезиль пишет: «Конечно, эти трансформации и отклонения объяснимы, но дадим себе отчет, что в тех же пространственных и временных условиях могли возникнуть и другие, но однако не возникли. Человеческий ум непрерывно производит отбор среди своих сокровенных богатств. Почему? Как?» (*Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев*. Москва, 1986. С. 157).

⁸ См. прежде всего: *Шмид В.* Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина». Санкт-Петербург, 1996.

⁹ Цитаты даются по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Ленинград, 1977—1979. Т. 6.

¹⁰ В том числе и городские: внутренняя структура населенных пунктов, их «интерьер» — улицы, площади, набережные, здания и т. п. (как и интерьер зданий) не рассматриваются, если только не на уровне отдельных примеров.

сюжетом — пока это чистое перечисление (частотность употребления каждого обозначения внутри одного произведения не учитывается).

АПВ: Париж, парижский, Россия, русский, Русь, Петербург, петербургский, Франция, граница, Красное Село, столица, Ораньенбаум (sic!), Нарва, Рязань, Цареград.

РвП: деревня, Петербург, Москва, уездный, саратовский, Палестина, Рим.

ПБ: «От издателя»: село, деревня, околодок, Горюхино, Ненарадово.

В: местечко***, столица, деревня, деревенька, городок, Москва, Н** уезд, поместье, Скуляны.

М: поместье, Ненарадово, деревня, Жадрино, жадринский, ***ское (поместье), Бородино, Москва, ***губерния, столица, уезд, деревня, Вильна.

Г: Москва, германский, городок.

СС: ***ская губерния, станция***, С***, Смоленск, Петербург, местечко***, село.

БК: губерния, имение, деревня, Россия, околодок, Москва, уездный, город, столица, столичный, село, Прилучино, Тугилово, колбинские, захарьевские, хлупинские (крестьяне соответствующих деревень).

ИСГ: село, Горюхино, Москва, деревня, вотчина/отчина, губернский, уездный, город, Петербург, страна, столица, имение, Дериухово, Перкухово, захарьинские, карачевские (крестьяне соответствующих деревень).

Р: Москва, московский, деревня, **село, губернский, город, столица, Париж, Франция, Англия, Германия, Россия, Европа, Бородинское (сражение).

Д: поместье, губерния, губернский, имение, село, сельцо, селение, Покровское, Петербург, город, городской, уезд, уездный, Кистеневка, кистеневский, Песочное, Арбатово, деревня, станция, Москва, **, граница.

ПД: Париж, деревня, подмосковная, саратовская, Версаль, Петербург, Москва.

К: Молдавия, Австрия, Скуляны, Яссы, Бессарабия, Кишинев, Килия.

ЕН: египетский, Петербург, неаполитанский, Флоренция.

КД: деревня, село, станция, Москва, Пруссия, Мыс Доброй Надежды, Россия, Оренбург, оренбургский, Симбирск, симбирский; Белогорская, Татищева, Нижнеозерная, Юзева (крепости); Бердская слобода, Казань, Сибирь, Петербург, петербургский, почтовый двор / станция, София, Царское село, губерния, город, провинция, провинциальный, ***.

Теперь проведем классификацию локальных указателей, разделив их на две группы: I. *Виды поселений*, II. *Топонимы*. Группа топонимов, в свою очередь делится на три подгруппы: 1. *Реальные топонимы*, 2. *Вымышленные топонимы*, 3. *Зашифрованные* (буквой и / или звездочкой) *топонимы*.

I. Виды поселений

вотчина / отчина *ИСГ*; город, городок *В, Г, БК, ИСГ, Р, Д, ПД*; граница *АПВ, Д, К, КД*; губерния, губернский *М, СС, БК, ИСГ, Р, Д, КД*; деревня, деревенька, деревушка *РвП, ПБ, В, М, БК, ПД, КД*; имение *БК, ИСГ, Д*; крепость *КД*; местечко *В, СС*; околодок *ПБ, БК*; поместье *В, М, Д*; провинция, провинциальный (провинциал) *БК, КД*; село, сельцо, селение *ПБ, Д, М, СС, БК, ИСГ, Р, Д, КД*; слобода *КД*; станция, станционный *СС, Д, КД*, почтовый двор *КД*; столица, столичный *АПВ, В, М, БК, ИСГ, Р*; страна *ИСГ*; уезд, уездный *М, БК, ИСГ, Д*; усадьба *Д*.

II. Топонимы

1. Реальные топонимы

Австрия *К*; Англия *Р*; Бердская *КД*; Бессарабия *К*; Бородино, Бородинское *М*; Версаль *ПД*; Вильна *М*; Германия, германский *Г, Р*; Европа *Р*; Египетский *ЕН*; Казань *КД*; Килия *К*; Кишинев *К*; Красное село *АПВ*; Молдавия *К*; Москва, московский, подмосковный *РвП, В, М, Г, БК, ИСГ, Р, Д, ПД, КД*; Мыс Доброй Надежды *КД*; Нарва *АПВ*; Неаполитанский *ЕГ*; Нижнеозерная крепость *КД*; Ораньенбаум *АПВ*; Оренбург, оренбургский *КД*; Палестина *РвП*; Париж, парижский *АПВ, Р, Д, ПД*; Петербург, петербургский *АПВ, РвП, СС, ИСГ, Д, ПД, ЕГ, КД*; Пруссия *КД*; Рейнская федерация *Р*; Рим *РвП*; Россия, русский *АПВ, Р, БК, КД*; Рязань *АПВ*; Саратовский *РвП, ПД*; Сибирь *КД*; Симбирск, симбирский *КД*; Скоуляны *В, К*; Смоленск *СС*; София *КД*; Татищева (крепость) *КД*; Флорен-

ция *ЕН*; Франция *АПВ, Р*; Цареград *АПВ*; Царское село *КД*; Юзеева (крепость) *КД*; Яссы *К*.

2. Вымышленные топонимы

Арбатово *Д*; Белогорская крепость *КД*; Горюхино *ПБ, ИСГ*; Дериухово *ИСГ*; Жадрино, жадринский *М*; Захарьевский *БК*; Захарьинский *ИСГ*; Карачевский *ИСГ*; Кистеневка, кистеневский *Д*; Колбинский *БК*; Ненарадово *ПБ, М*; Перкухово *ИСГ*; Песочное *Д*; Покровское *Д*; Прилучино *БК*; Тугилово *БК*; Хлупинский *БК*.

3. Зашифрованные топонимы

** *Д*, *** *КД*, **село *Р*, ***местечко *В, СС*, ***ская/ое: губерния *М, СС*, деревня *Р*; поместье *М*; село *СС*; станция *СС*; Н. село *СС*; Н** уезд *В*; С*** *СС*.

Прежде всего, обращает на себя внимание разработанность первой группы лексем («Виды поселений»), которая подробно и точно отражает политико-административное деление России: *страна — столица / провинция — губерния — уезд — города губернский / уездный — село / сельцо — деревня — поместье / имение / усадьба*. Видам поселений соответствуют и все три подгруппы топонимов, которые, за исключением некоторых лексем первой подгруппы (реальные топонимы — страны и города, *Россия, Москва, Петербург* и т. п.), могут иметь при себе соответствующее классификационное уточнение: *село Горюхино, сельцо Кистеневка, поместье Ненарадово, Белогорская крепость* и т. п.; это уточнение обязательно при зашифрованных топонимах (ср., однако, «В ** появились разбойники», *Дубровский* 168; «В тридцати верстах от *** находится село», *Капитанская дочка* 360).

Следующий фильтр — *локусы*, в которых ,происходит' действие, и *локусы*, которые лишь ,упоминаются' — по разным основаниям и с разной степенью мотивированности. Например, в *Арапе Петра Великого* действие происходит во *Франции* (Париж) и *России* (Красное село, Петербург), упоминаются же по разным поводам *Ораньенбаум* (Петр спрашивает у великой княжны Елизаветы, помнит ли она «маленького арапа, который для тебя крал у меня яблоки в Ораньенбауме?»), 16), *Нарва* (у шведского офицера, танцмейстера Наташи, нога была прострелена под Нарвой, 24), *Цареград* (Ибрагим был продан в Цареграде, 32). Ср. нагнетение «упоминаемых» топонимов в *Рославле-*

ве: Франция, Англия, Германия, Париж, Рейнская конфедерация, Бородинское сражение. Этот же прием характерен для *Капитанской дочки* и *Кирджали*, т. е. для сюжетов, претендующих на историческую достоверность.¹¹

Какие бы отклонения от исторической точности ни были (ср. хотя бы сочетание реальных и вымышленного топонимов в *Капитанской дочке*: Симбирск, Оренбург, Москва, Петербург и т. д. и все крепости — кроме Белогорской крепости; см. там же *София*, город, в который Марья Ивановна приезжает за несколько лет до его действительного основания,¹² и др.), тем не менее, и логика, и мотивация топонимической насыщенности сохраняются. В эту же группу входит квазиисторическая *История села Горюхина* и вступление *От издателя* в *Повестях Белкина*, где появление многочисленных вымышленных и при этом «говорящих» топонимов обосновано изложением «истории локуса». Вполне естественно, что там вымышленные топонимы почти все — гапаксы (за исключением Горюхина и Ненарадова).

Локальная организация других произведений следующая: действие происходит в столице (Петербург, Москва, Париж) и/или в провинции (безымянные, вымышленные или зашифрованные города и села (деревни, поместья), расположенные в губерниях и уездах, почти обязательно дальних¹³) — все в соответствии с административной иерархией.¹⁴ Тексты могут быть монолокальными и полилокальными. При этом набор реальных локусов (= топонимов), в которых происходит

¹¹ Ср. также итальянский слой в *Египетских ночах*: итальянец в России; секретарь неаполитанского посольства, молодой человек, недавно возвратившийся из путешествия, «бредя о Флоренции» (*Египетские ночи* 253), или еще: к Мысу Доброй Надежды Петруша Гринев приделывает мочальный хвост, мастера из карты бу-мажного змея (*Капитанская дочка* 259).

¹² Указано А. Л. Осповатом, которому автор приносит благодарность за топонимические консультации. См. теперь: *Осповат А. Л.* Из наблюдений над царскосельским топосом «Капитанской дочки» // Тыняновский сборник. Москва, 2002. Вып. 11. С. 199—200.

¹³ Что такое дальняя губерния, в каком направлении, и на каком расстоянии от центра она расположена, — особая тема, которая здесь не затрагивается.

¹⁴ В плане к *Истории села Горюхина* говорится, что ее автор собирается писать историю губернского города, поскольку уездный город права на историю не имеет.

действие, весьма ограничен: в общем, все вертится вокруг Москвы и Петербурга.

Начнем с полилокальных текстов, где *локусы* либо «реальны» (‘перемещения’ героев по ходу повествования), либо только ‘названы’, — они входят в предысторию, являются деталями, сообщающими достоверность, кладущими события на карту и на время. И в том и в другом случае *локусы* формируют хронотоп. При этом практически всегда идет игра на ‘сочетании’ реальных, вымышленных и зашифрованных топонимов. О *Белогорской крепости* и *Софии* в *Капитанской дочке* уже говорилось. К этому же: Дубровский приезжает в родную деревню с вымышленным названием *Кистеневка* из *Петербурга*, где он учился, — так же как молодой Берестов (*Барышня-крестьянка*) приезжает в свою безымянную деревню из *Москвы*. Ради точности следует сказать, что Москва не ‘называется’, а ‘вычисляется’ по косвенному свидетельству: «по рукам ходил список адреса одного из его писем: *Акулине Петровне Курочкиной, в Москве, напротив Алексеевского монастыря...*» (100); вообще же известно только то, что он «был воспитан в ***университете» (100).

Сравните в связи с последним случай *Станционного смотрителя*. Там топография построена «на звездочках»: ****ская губерния, станция***, С***, местечко***, но при этом сообщается, что Минский («говорящая» топонимическая фамилия) едет из *Смоленска* в *Петербург*, и в *Петербурге* же отправляется на поиски Дуни отец (ср. реальные петербургские адреса: *Измайловский полк, Демутов трактир, Литейная*). Этой амальгамы оказалась достаточно для того, чтобы отождествить *станцию**** с *Вырой*, под Петербургом, и даже открыть там претендующий на аутентичность «Музей станционного смотрителя», — хотя пушкинский текст таких прямых указаний не дает. Здесь, помимо более или менее основательных топографических вычислений, роль топонимического указателя, конечно, сыграла знаковая фамилия станционного смотрителя *Вырин*.*

В мобильности персонажей (которые реже ходят пешком и чаще ездят: этим подчеркивается не только фактор скорости но и дальность расстояний) заложена идея ‘движения’ = перемещения из одного *локуса* в другой, причем перемещения мотивированного. На этом строится несколько сюжетов, в которых *полилокальность* обоснована содержательно. При этом подразумевается, что действие должно происходить

на громадном, бесконечном пространстве русской глуши, в отдаленных (*дальних*, см. выше) губерниях или вообще в пунктах (селах, деревнях, поместьях), расположенных на большом расстоянии друг от друга. Эту «локальную» мотивированность мы находим в *Метели*, где вся интрига закручена на «дорожной путанице», которая может случиться только в глухих местах глубокой провинции (ср. ту же ситуацию в *Капитанской дочке* — буран в степи); в *Выстреле*, где Сильвио мечется в поисках своего врага — опять-таки по местечкам, уездным городкам, деревенькам и поместьям. Столь же несомненно, что благородный разбойник Дубровский может действовать только *на большой дороге*, скрываясь в лесах и появляясь в деревнях и усадьбах, т. е. его *локус* — сельская местность в провинции, а уездный город фигурирует только как место суда. Мотивирована и не требует дополнительных объяснений «деревенская локализация» *Барышни-крестьянки* — фокус с переодеванием и романтические встречи требуют пасторальных, а не урбанистических декораций. *Роман в письмах* построен на противопоставлении *столица / провинция*, и в этом его основная пружина.

Оппозиция *столица / провинция* играет особую роль в русской исторической и культурной традиции и, естественно, находит яркое выражение в литературе.¹⁵ На аксиологической оси оценочные критерии могут меняться на противоположные, и провинция предстает то как пасторальный рай, то как ад невежества и дикости. Соответственно и столица выступает то как образец культуры, то как воплощение бездуховности, пресыщенности и развращенности. В русской модели мира собственная страна, воспринимается как громадное (*без конца и края*) пространство, в котором *провинция* (как семиотическая единица и как реальность) помещена в почти мифологическую даль и глушь. Другая характерная черта той же модели — соревнование / противопоставление двух *столиц*, Москвы и Петербурга, где первой отводится роль

¹⁵ Этой проблеме посвящен сборник: Русская провинция. Текст — Миф — Реальность. Москва; Санкт-Петербург, 2000; см., в частности, открывающую его статью о становлении и семантическом развитии термина провинция: Зайонц Л. О. «Провинция» как термин. Ср. развитие темы в кн.: *Геоэтнические панорамы. Провинция и ее локальные тексты*. Москва, 2003.

провинции, не дотягивающей до европейского уровня, а второму приписывается светскость, казенность и бездушие.

Эти «русские универсалии» находят подтверждение и в пушкинской прозе.¹⁶ Не разбирая не раз отмеченное и подробно описанное, ограничимся несколькими примерами, отражающими противопоставление *Москва & Петербург = столицы / губерния, уезд, город(ок), деревня (деревенька) = провинция*: «Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень или городков, например об ожидании почтового дня. [...] Прошло несколько лет, и домашние обстоятельства принудили меня поселиться в бедной деревеньке Н** уезда. [...] Всего труднее было мне привыкнуть проводить осенние и зимние вечера в совершенном уединении» (*Выстрел* 61, 64); «Мария Гавриловна жила в ***губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг был еще сильнее» (*Метель* 77). Петрушу Гринева отправляют из симбирской деревни не в Петербург, а в еще большую глушь: «„Чему он научится, служа в Петербурге? мотать да повесничать?“ [...] Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной». — В противоположность ему, Марья Ивановна, которой ее царскосельская хозяйка приписала «провинциальную застенчивость», не любопытствовала взглянуть на Петербург и в тот же день уехала обратно в деревню (*Капитанская дочка* 261, 360); Лиза из *Романа в письмах*, выбирает деревенскую жизнь: «Я тотчас привыкла к деревенской жизни, и мне вовсе не странно отсутствие роскоши. Деревня наша очень мила. [...] осенью и зимою немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем. [...] Уединение мне нравится на самом деле, как в элегиях твоего Ламартина» (42) — Лизе вторит Владимир, приехавший в деревню, чтобы отдохнуть от петербургской жизни, которая

¹⁶ Семиотический анализ противопоставления двух столиц у Пушкина см. в работах: *Николаева Т. М.* «Московский текст» в переписке Пушкина // Лотмановский сборник 2. Москва, 1997; *Шварцбанд С.* О Москве и Петербурге у Пушкина (семиотика и затекстовая реальность) // Там же. — Это противопоставление может рассматриваться и в контексте пушкинских парадоксов, см.: *Schmid W.* Puškins Paradoxien // *Gedächtnis und Phantasma. Festschrift für Renate Lachmann.* S. 433.

ему «ужасно надоела» (49). Именно Владимиру принадлежит сравнительная характеристика *Петербурга — Москвы — деревни* (в пользу последней): «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в кабинете» (49); ср. еще противопоставление Петербурга и Москвы: «В своей одежде он всегда наблюдал самую последнюю моду с робостью и суеверием молодого москвича, в первый раз отроду приехавшего в Петербург» (*Египетские ночи* 245) и т. д.¹⁷

Пушкинский идеал чистой и романтической девушки, воспитанной в строгих правилах и в строгих границах (в буквальном и переносном смысле), противопоставленной холодной светской красавице, на «пространственном» уровне соответствует противопоставлению *провинциальной барышни столичным дамам* (это, конечно, не ограничивается его прозой). Действительно, все идеальные героини, все *Маши* и *Лизы* в рассматриваемых сюжетах идеальны потому, что (или до тех пор, пока) они «не изменяют» провинции (в отличие от *Дуни* в *Станционном смотрителе*).¹⁸ Известный пассаж из *Барышни-крестьянки* можно считать программным:

Те из моих читателей, которые не жилали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для ба-

¹⁷ Ср. из письма П. А. Вяземского Пушкину (26 июля 1828, Пенза): «В провинциях прелесть. Здесь только, как в древности или в Китае, поэт сохраняет свои первобытные права и играет свою роль не хуже капитана-исправника или дворянского заседателя. В столицах мы считаемся по армии в человеческом роде» (благодарю за это указание Е. В. Пермякова).

¹⁸ Добродетельная петербурженка *Наташа* в *Аране Петра Великого* противопоставлена ветреной парижанке *графине Д.* В оппозиции *Париж / Петербург* можно видеть своего рода отражение оппозиции *столица / провинция*, тем более что в то время во всем Петербурге «не было ничего великолепного», и дома казались построенными наскоро (16).

рышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание. Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями, но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: *особенность характера, самобытность* (individualité), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы (101);

ср. в *Романе в письмах*:

Эти девушки, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц [...] (53).

Классический руссоизм «положен» на пространство (и культурную традицию) России, и *локус* вносит свою лепту в характеры героинь, ср. трех *Лиз*, барышню-крестьянку, воплощающую все достоинства и преимущества провинциального воспитания, и двух бедных воспитанниц: *Лизу* из *Романа в письмах*, выбравшую деревню (очевидно, поэтому признаются ее «столичные» достоинства: «тихая благородная стройность в обращении, прелесть высшего петербургского общества», при том, что она сохранила в себе «живое, снисходительное, добродородное», 52), и *Лизу* из *Пиковой дамы*, в которой ощущается некая приземленность (замужество с «очень любезным молодым человеком», имеющим «порядочное состояние» и т. п.; неслучайно стремление романтизировать «оперную» *Лизу*, заставив ее броситься в Зимнюю канавку).¹⁹

Последняя героиня приводит к рассмотрению оставшихся трех *монолокальных* произведений. Действие двух из них происходит в Петербурге — *Пиковая дама* и *Египетские ночи*, одного в Москве —

¹⁹ В книге В. Н. Топорова, посвященной «Лизину» тексту, пушкинским *Лизам* посвящено только несколько строк, см.: Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. Москва, 1995. С. 456.

Гробовщик. На первый взгляд, все три сюжета не связаны с определенным *локусом*: и карточный проигрыш, повлекший сумасшествие героя, и импровизация, и страшный сон могут быть приурочены к любому месту.

В предположении, что выступление итальянца-импровизатора в большей степени «ложится» на *train de vie* петербургского светского общества, *Египетские ночи* мы оставим в стороне.

В случае же двух остальных повестей правомерно говорить о формировании пространственных, ***ских* текстов: *петербургского* и *московского*, противопоставленных друг другу поворотами сюжета. Сверхъестественные события, происходящие в ‚Петербург‘, приводят к трагической развязке, в ‚Москве‘ — к комической.²⁰

Петербуржец (петербургский немец) Германн, жертвующий любовью ради богатства, становится невольным убийцей графини, сыгравшей с ним после смерти злую шутку, теряет все и сходит с ума.

Москвич, носитель мрачной профессии гробовщик²¹ Адриан Прохоров, пережив потрясение, причиной которому были всего лишь неумеренные возлияния в компании добродушных соседей-немцев, обнаруживает, что столь напугавшие его визиты покойников ему только приснились, *покойница Трюхина* жива, и все благополучно.

Безумный Германн, кончающий свои дни в 17 номере (*петербургской*) Обуховской больницы, «не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: „Тройка, семерка, туз!..“» (*Пиковая дама* 237).

Московский финал контрастен. Проснувшись в ужасе, Адриан обнаруживает себя в своем новом, долгожданном доме на Никитской и узнает, что единственные последствия его ночных приключений со-

²⁰ Вяч. Вс. Иванов замечает, что в *Гробовщике* сновидением мотивируется фантастика, в то время как во *Влюбленном бесе* (ср. в *Уединенном домике на Васильевском*) фантастика отнесена к яви (*Иванов В. В.* К истолкованию фантастических произведений Пушкина // *Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri*. Padova, 2002. P. 180).

²¹ Как и полагается, окрашенной черным юмором, ср. хотя бы вывеску на заведении Адриана Прохорова о гробах, которые «также отдаются напрокат и починяются старые» (*Гробовщик* 81).

стоят в том, что он проспал обедню. «Ой ли — сказал обрадованный гробовщик. [...] — Ну коли так, давай скорее чаю, да позови дочерей» (*Гробовщик* 87).

Пиковая дама считается основой и началом *петербургского* текста, притом, что, как уже было отмечено, собственно петербургские приметы там даны очень скупо:

история с чудесным карточным выигрышем могла произойти и в Париже (где, собственно, и лежит завязка сюжета, — там случается «анекдот о трех картах», столь сильно подействовавший на воображение Германна), и в Москве (откуда в Петербург переехал Чекалинский), да и вообще в любом месте, где есть игорный дом [...]. ...не на Петербурге основан топографический (и топонимический) словарь *Пиковой дамы*.²²

В определенном смысле то же можно сказать и о *Гробовщике*, хотя там использован несколько иной прием: Москва упомянута только один раз и в следующем контексте: «пили здоровье Москвы и целой дюжины германских городков» (*Гробовщик* 84), и чтобы ее опознать, т. е. понять, где происходит действие, надо изначально знать названия ее улиц, знать, что Басманная, Никитская с храмом Вознесения, Разгуляй являются неоспоримыми московскими приметами, знаками «Москвы»²³. Однако общий колорит в характеристике города и его обитателей настолько ярок, и сюжет настолько на него «ложится», что мотивированность выбора места кажется несомненной. Сюжет ли «давит» на *локус* или *локус* на сюжет, но выбор места действия в обеих *монолокальных* повестях воспринимается как единственно возможный или, по меньшей мере, органичный.

В. Н. Топоров в своей работе о «гео-этнических» панорамах обращается к словесному (литературному) представлению реального про-

²² Цивьян Т. В. Интерьер петербургского пространства в «Пиковой даме» Пушкина // *Slavica Tergestina*. Художественный текст и его гео-культурные стратификации. Trieste, 2000. С. 192 (*Slavica Tergestina*. Vol. VIII).

²³ К тому же этот московский локус биографически связан с Пушкиным. *Немецкая слобода* (Басманная, Разгуляй), очевидно, притянула к себе клишированную тему *честных немцев*, которая традиционно принадлежит *петербургскому тексту* (Гоголь, Достоевский, Лесков и др.).

странства (и времени), процеженному сквозь фильтр культуры, откуда оно выходит преображенным. Приведем здесь краткое резюме предложенного им «хронотопического ракурса». Под «гео-этнической» панорамой автор понимает максимально широкий, синтетически-обобщающий способ «разового» видения целого, дающий ответ на три основных вопроса: *где?* — *когда?* — *кто?* притом что объект видения дан в пространственном (географическом) коде. Пространственные характеристики панорамы весьма разработаны и включают в себя помимо геофизического и природного, этнического, экономического и т. п. культурно-исторический, религиозно-этический и аксиологический аспект. Только пространство подлинно устойчиво и может служить опорой; только оно конкретно-вещно и может быть увидено, услышано, прочувствовано *здесь и сейчас*. Эстетическая функция панорамы, с одной стороны, ориентирована на поэтику перечислений (для расширения культурного кругозора); с другой стороны, на формальную отмеченность, на выбор. Уже в пушкинское время принцип, лежащий в основе «гео-этнических» панорам, последовательно сужаясь, применялся при литературном освоении темы города, дома, интерьера, а позже и мира душевных состояний человека.²⁴

Предпринятое здесь приближение к теме *локуса* у Пушкина — первый шаг к анализу «гео-этнической» панорамы его поэтического мира, связанной, среди прочего, с взаимодействием *локуса* и сюжета. Такого рода взаимодействие включает выбранную здесь тему в круг нарратологии, более точно — сюжетологии, которая рассматривает «порождение рассказываемой истории и преобразование этой истории в процессе нарративного конструирования».²⁵

²⁴ Топоров В. Н. «Гео-этнические» панорамы в аспекте связей истории и культуры (к происхождению и функциям) // Культура и история. Славянский мир. Москва, 1997, *passim*.

²⁵ Шмид В. Нарратология Пушкина // Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования. Москва, 2001. С. 300.